

КОМПАРАТИВИСТИКА / COMPARATIVISTICS

А.Н. Паикуров, П.О. Богинская
A.N. Pashkurov, P.O. Boginskaya

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОЙ ИДИЛЛИИ В ПОВЕСТИ М.Н. МУРАВЬЕВА «ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМЕСТИЯ»

THE TRADITIONS OF THE ANTIQUE IDYLL IN THE NOVEL BY M.N. MURAVYOV "THE INHABITANT OF THE SUBURB"

*В настоящей статье анализируется наследование поэтики античного жанра идиллии в русской литературе последней четверти XVIII века. На примере повести «Обитатель предместья» (1790) известного российского писателя-просветителя М.Н. Муравьева (1757–1807), одного из создателей отечественной антикизирующей традиции в литературной культуре Нового времени, прослеживаются новации, введенные творцом XVIII века в устоявшуюся архаичную форму, ставшую в эпоху сентиментализма «жанром-мировоззрением». В статье рассматриваются закономерности отечественного и античного историко-литературного процесса. Повесть «Обитатель предместья» анализируется в сопоставлении с произведениями классиков Древней Греции (Анакреон, Феокрит) и Древнего Рима (Гораций, Вергилий, Овидий). Прослеживаются как сходства с традициями очерченных авторов, так и различия, значимые с точки зрения выявления своеобразия отражения жанра идиллии М.Н. Муравьевым. Повесть анализируется в контексте соответствия канонам идиллии, выражающихся в основном через пейзажные характеристики и философскую наполненность топоса. Особое внимание уделено отступлениям от концепции *locus amoenus*, которые восходят к канонам изображения природы римского писателя Овидия, входящего в оппозицию с буколической традицией, свойственной его старшему современнику Вергилию. Влияние творцов Античности на произведения писателя-сентименталиста изучено с точки зрения сходства на уровне поэтики, а также аналогий в отношении жанрового, стилистического и философского пластов. Особенное внимание уделено как прозаическому творчеству автора, так и его литературно-критическому наследию, выступающих в качестве материала для исследования. В статье рассматриваются античное отражение жанра идиллии и его влияние на произведения М.Н. Муравьева, которые, в свою очередь становятся основой для последующей традиции русской литературы эпохи золотого века, что подтверждается на примере повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» и романа И.А. Гончарова «Обломов». Подобное наследование подтверждает значимость фигуры творца XVIII века в истории отечественной словесности.*

Ключевые слова: Античность, идиллия, Феокрит, Вергилий, сентиментализм, жанр-мировоззрение, философия творчества.

This article analyzes the inheritance of the poetics of the ancient genre of idyll in Russian literature of the last quarter of the XVIII century. Using the example of the story "The Inhabitant of the Suburb" (1790) by the famous Russian writer and educator M.N. Muravyov (1757–1807), one of the creators of the Russian antique tradition in the literary culture of Modern times, the innovations introduced by the creator of the XVIII century into an established archaic form, which became a "genre-worldview" in the era of sentimentalism, are traced. The article examines the patterns of the Russian and ancient historical and literary process. The story "The Inhabitant of the Suburb" is analyzed in comparison with the works of the classics of Ancient Greece (Anacreon, Theocritus) and Ancient Rome (Horace, Virgil, Ovid). The similarities with the traditions of the outlined authors are traced, as well as differences significant from the point of view of revealing the uniqueness of the reflection of the genre of idyll by M.N. Muravyov. The novel is analyzed in the context of compliance with the canons of idyll, expressed mainly through landscape characteristics and philosophical content of the topos. Special attention is paid to deviations from the concept of locus amoenus, which go back to the canons of the depiction of nature by the Roman writer Ovid, who opposes the bucolic tradition peculiar to his elder contemporary Virgil. The influence of the creators of Antiquity on the works of the sentimentalist writer has been studied from the point of view of similarities at the level of poetics, as well as analogies in relation to genre, stylistic and philosophical layers. Special attention is paid to both the author's prose work and his literary and critical legacy, which serve as research material. The article examines the ancient reflection of the idyllic genre and its influence on the works of M.N. Muravyov, which, in turn, become the basis for the subsequent tradition of Russian literature of the Golden Age, which is confirmed by the example of the novella by N.V. Gogol "Old World Landowners" and the novel by I.A. Goncharov "Oblomov". Such inheritance confirms the importance of the figure of the creator of the XVIII century in the history of Russian literature.

Key words: Antiquity, idyll, Theocritus, Virgil, sentimentalism, genre-worldview, philosophy of creativity.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-70-3-39-47

*Хотелось мне иметь землицы уголок
И садик, и вблизи прозрачный ручеек
Лесочек сверх того; и лучшие мне и боле
Послали небеса. Мне хорошо в сей доле
И больше ни о чем не докучаю им,
Как только, чтоб сей дар оставили моим.
Гораций*

Идиллия в русской литературе опиралась на архаичный опыт: значима была и «античная Анакреонтия» [15, 33], определившая основой набор типологических признаков жанра: тему уединения на лоне природы, locus amoenus, «философию душевной простоты» и пастушеское убранство, вдохновленное «Буколиками» Вергилия.

Творчество М.Н. Муравьева (1757–1807) – одного из вершинных представителей отечественной словесности XVIII века, вносит новые черты в твердую форму идиллии, значительно усложняя и обогащая ее. Во многом происходит переосмысление античных традиций, выражающееся в повышенном интересе к природе, красота которой превозносится на фоне мнимых благ цивилизации, что отчетливо звучит в повести

«Обитатель предместия» (1790), уже на уровне названия задающей основную тему произведения. Мысль о гармонии человека с миром и самим собой становится главенствующей для философии сентиментализма, основоположником которого выступает М.Н. Муравьев.

Не случайно эпиграфом к повести служат строки Горация, воспевающие природу. Примечательно, что даже в произведении античного классика, не связанного напрямую с буколической традицией, читаются основные компоненты идиллического топоса (сад, деревья, водный источник и др.), на которых мы подробнее остановимся в дальнейшем. В эпиграфе утверждается главная мысль произведения: наслаждение малым, та самая гармоничная «горацианская умеренность» [5, 10], к которой стремится герой повести «Обитатель предместия». Примечательно, что в дальнейшей литературной традиции к философии меры древнеримского классика будет обращаться в своем творчестве И.А. Гончаров, прозванный Д.С. Мережковским «Гомером русской помещичьей жизни» [6, 127], что подчеркивает связь писателя с античностью. Эта параллель между творцами XVIII и XIX веков не случайна: знаменитый автор романа «Обломов», являющегося по замечанию Бахтина «своеобразной античной идиллией» [2, 385], становится продолжателем опыта М.Н. Муравьева, что подчеркивает значимость писателя в историко-литературном процессе. Основы перенесения буколической традиции из лирики в эпос, заложенные творцом-сентименталистом, находят отражение в произведениях, составляющих золотой фонд литературы. Так, семена античной идиллии, внесенные в почву русской культуры М.Н. Муравьевым еще в XVIII веке, дают благодатные всходы спустя столетия.

Античный жанр имеет большой вес в мировой и отечественной литературной традиции и постепенно превращается в «некий универсальный "жанр-мировоззрение" сентиментализма» [14, 369]. Первооткрывателем буколической традиции считается древнегреческий автор Феокрит, произведения которого закладывают базисы, в дальнейшем подхваченные последователями классика. Именно в его творчестве воспевается «маленький человек, черпающий для себя утешение на лоне природы с подчеркнутой ее красотой и идеализацией рабочего люда, особенно пастухов, труд которых как раз больше всего связан с пребыванием среди природы» [1, 231]. Подобное описание персонажа античной идиллии гармонично соотносится с главным героем повести «Обитатель предместия». Характер человека в лучших традициях психологического параллелизма уподобляется природной составляющей, находящейся в состоянии покоя и умиротворения. Идиллическая печать отмечает и психологический портрет рассказчика, обладающего кротостью античных пастухов.

Важно подчеркнуть, что сходство творчества М.Н. Муравьева с традицией, заданной Феокритом, не только прослеживается на персонажно-образном уровне, но и подкрепляется аналогиями в художественном стиле. Идиллии древнегреческого автора отличались весьма небольшим размером. В связи с этим для его поэтики характерен «стиль изящной миниатюры» [1, 232]. Примечательно, что поэтическая миниатюра привлекала внимание многих ученых, в том числе и Б.П. Иванюка, подчеркивавшего ее своеобразие: «Она представляет собой самодостаточный и объективированный в визуализированном образе смысл, выраженный в завершенной и краткой форме» [3, 193]. В контексте сопоставления с творчеством М.Н. Муравьева очерченная деталь особенно показательна, потому как для творца XVIII века был органичен жанр «медитативной миниатюры» [15, 41], в котором сочетался «покой» идиллии (ее содержание) и относительно небольшой размер (форма). Для поэтики автора «Обитателя предместия» характерна первостепенная организующая роль медитации лирического «я», погруженности героя во внутренний мир, что закономерно в связи с феноменом «лирического дневника» [15, 40], значимого для писателя.

Таким образом, идиллическая традиция Феокрита реализуется в творчестве М.Н. Муравьева очень многопланово. Автор восходит к античным праосновам на тематическом уровне, раскрывая идею о мирном бытовании человека на лоне природы.

Из этого плавно вытекает следующая черта сходства, а именно – характер героя, представляющего из себя скромную личность, нацеленную на общепользительный труд на благо окружающих, а следовательно, также отмеченный идиллической печатью. Завершает параллели между двумя творцами и стилистическая составляющая, восходящая к форме медитативной миниатюры.

Идиллическая атмосфера повести «Обитатель предместия» получает богатую репрезентацию. Помимо творчества Феокрита М.Н. Муравьев обращается и к лирике Вергилия. Влияние его «Буколик» читается в пейзажных характеристиках, посредством которых реализуется философская модель *locus amoenus* (с лат. «приятное место»).

Показательно сопоставить особенности поэтики идеального пейзажа в интересующем нас примере прозы М.Н. Муравьева с концепциями, которые предлагают исследователи теории и истории этого хронотопа. Э.К. Курциус в книге «Европейская литература и латинское средневековье» [4, 128] в качестве обязательных элементов идеального пейзажа выделяет:

1. **упоминание деревьев:** «Напротив дома – приходская церковь... Оградой служат ей старые дубы, которые далеко кругом себя кидают тень свою» [7, 19]; «Дом мой на возвышении. Позади – высокая роща из кленовых и ясеневых деревьев. Я пью иногда чай в прохладной темноте их, когда посетит меня священник или человек-другой приятелей» [7, 19];

2. **луг:** «Какой приятный запах от сена, разбросанного на лугу!» [7, 20];

3. **ручей/родник:** «В приятной лощине извивается ручей, по берегам которого разбросано несколько кустов орешника. Ручей бежит по леску и по камешкам. Вода его чиста и холодна» [7, 19]; «Журчание источника» [7, 20];

4. **пение птиц;**

5. **цветы:** «... или развожу маленький садик свой и поливаю благоуханные розы и хожу за своими вишневыми деревьями» [7, 20]; «В другое время ищу произведений природы – цветов, растений, камней и стараюсь проникнуть силы и свойства их» [7, 20];

6. **легкий ветерок:** «Дышу свежим воздухом при закате солнечном...» [7, 20].

Практически каждая из констатируемых ученым составляющих топоса находит последовательное отражение в первой главе «Обитателя предместия».

Еще более интересным представляется философское содержание топоса. По определению, «прелестный уголок» – это идеализированное место на земле, где человек существует в абсолютной гармонии с натурой. Мирная жизнь на лоне природы, где вдали от излишеств и тревог городской жизни замедляется неумолимый ход времени – вот основа внутренней наполненности, которую предполагает под собой *locus amoenus*.

Абсолютное довольство подобным мирным бытованием читается в начале повести «Обитатель предместия», которое, как известно, выполняет функцию сильной позиции художественного текста: «Не выезжая из города, пользуюсь всеми удовольствиями деревни затем, что живу в предместие» [7, 18]. Здесь отражается пограничное положение жизни героя, который как бы замирает между городом и деревней, выстраивая свой прелестный уголок и в то же время сохраняя связи с цивилизацией.

Дополняют атмосферу уединения и защищенности образы деревьев («...тень ивы или тополя приманивают меня к себе» [7, 20]), которые подчеркнута монументальны, соотносятся с древностью («старые дубы с многовековыми тенями» [7, 19]), устремлены ввысь («высокая роща кленовых и ясеневых деревьев» [7, 19]). Деревья окружают и защищают дом рассказчика, растут по соседству с приходской церковью, становятся местом для чаепитий или отдыха после чтения, что подчеркивает их психологическую функцию создания защищенного и безопасного места.

Концептуально значимым становится место упокоения праха трепетно чтимого друга Эмилия, избранное героем: описание сада как своеобразного *locus amoenus*, реализацию которого мы раскрыли ранее, отчасти входит в оппозицию с традицией Овидия, который в своем творчестве, наоборот, отходит от сложившейся модели «приятного места»

и наделяет пейзаж опасностями, скрытыми угрозами. В творчестве античного писателя природный мир сопряжен с мотивом гибели и иногда даже сумасшествия: часто смерть героя передается как метафорический переход его в животный или растительный мир, из чего и проистекает основная тема вершинного произведения автора – «Метаморфоз», отражающих античную историю сквозь призму одного жанра – мифов о превращениях. Подобное прочтение становится определяющим, когда мы анализируем место последнего приюта Эмилия, устроенное обитателем предместья в печальной сени кипарисов. Выбор растения символичен и восходит к античному мифу об охотнике Кипарисе, который случайно смертельно ранил «острым дротом» [11, 221] своего любимого оленя. Основопологающей темой становится скорбь юноши, который не находит сил, чтобы вынести тоску по погибающему другу и не прислушивается даже к утешениям богов, а молит лишь о том, чтобы вечно оплакивать потерю, что реализуется через превращение Кипариса в одноименное дерево. Итог мифа подводится в словах Феба: «Ты, оплаканный нами, будешь оплакивать всех и пребудешь с печальными» [11, 222].

Античный контекст очень органично вписывается в философию произведения, заостряет мотив страданий и тоски по потерянному другу. Выражению чувств помимо прямой номинации соответствует и пейзажная характеристика – «влажный воздух, покрытое тучами небо» наводят героя на размышления о потерянных друзьях: «Уединен, в глубокой задумчивости, проливаю слезы сожаления над теми, которых смерть у меня похитила. Эмилий сокрылся от моих дружеских объятий!» [7, 23].

Интересно также, что миф о кипарисе получает последующее развитие в культуре, в частности, в турецком языке цветов, распространившемся стараниями М.У. Монтаню в Англии в XVII в. и перенесенном впоследствии на русскую почву писателем-философом и переводчиком Д. Ознобишиным. В соответствии с поэтическим флористическим справочником писателя кипарис означает смерть и скорбь. «Кипарис. – Когда смерть прекратит безнадежную любовь мою, пролей слезу на моей могиле» [12, 77].

К творчеству Овидия отсылают воплощенные в героях повести образы двух мифологических пар. Так, в истории капитана-командора Неслетова прослеживается указание на Орфея, ставшего причиной гибели возлюбленной. Миф реализован в произведении во второй главе: рассказчик повествует об истории друга, актуализируя основные компоненты античного прообраза:

1. Мотив смерти и сопряженный с ним **мотив вины**: в повести М.Н. Муравьева возлюбленная погибает из-за поведения мужа: капитан-командор глубоко оскорбляет жену «несправедливой укоризною», которую чувствительное сердце Софии не смогло снести. Таким образом, подобно Орфею, нарушившему условие возвращения Эвридики из царства мертвых, Неслетов также оказывается виновником смерти возлюбленной.

2. Мотив скорби: в повести М.Н. Муравьева подчеркивается эмоциональное состояние персонажа: «С тех пор и капитан более мучится, нежели живет» [7, 22]. Капитан Неслетов осознанно выводит себя из привычной жизни, ограничивает общение с собственными детьми, вверяя их воспитание благоразумному другу. Таким образом, герой словно переходит ко внебытовому существованию, уподобляясь Орфею, который просил богов оставить и его в царстве мертвых, если небожители не согласятся вернуть ему супругу: «согласятся вернуть ему супругу: «Если же милость судеб в жене мне откажет, отсюда / Пусть я и сам не уйду: порадуйтесь смерти обоих» [11, 219]. К мифу об Орфее и Эвридике, задокументированному в «Метаморфозах» Овидия, отсылает и временная составляющая. В упомянутом нами ранее фрагменте «Обитателя предместья» говорится о том, что Софии не стало три года назад – срок, совпадающий с протяженностью скорби античного певца: «Вот созвездием Рыб морских заключившийся третий / Год уж титан завершил, а Орфей избегал неуклонно / Женской любви...» [11, 220].

3. Мотив нетерпения: причиной повторной смерти Эвридики, невозможности ее возвращения из царства мертвых становится нетерпеливость, которую проявляет Орфей: усомнившись в том, следует ли за ним возлюбленная, он оборачивается, нарушая

божественный запрет, и тем самым лишает ее жизни. Приведенная черта характера мифического певца свойственна и капитану Неслетову: его порывистость, невозможность сопротивляться первым движениям души, несдержанность приводят к трагическим последствиям. Именно нетерпеливость становится причиной гибели Софии, она же ведет и к снижению капитана Неслетова по службе: «Может быть, имел бы он теперь место между нашими храбрыми адмиралами, ежели бы нетерпеливость также не заставила его покинуть службу» [7, 22].

Таким образом, сравнение образа капитана-командора Неслетова с мифологическим прообразом Орфея дополняет его сложный психологический портрет и во многом объясняет его поведение. Скорбь по потерянной возлюбленной, чувство вины, которое он испытывает, не позволяют персонажу «Обитателя предместия» продолжать вести привычную жизнь. Капитан Неслетов метафорически отправляется вслед за Софией в царство мертвых, разрывая отношения с семьей, он полностью погружается в служение человечеству и замирает в состоянии тоски.

Важно отметить, что существует и другая трактовка сюжетной линии командора и его супруги. И.Н. Островских в статье «Имя как элемент идиллического топоса в сентиментальной прозе М.Н. Муравьева» придерживается масонской концепции: «Утрату Софии можно рассматривать как утрату софийности в масонском и теософском понимании, т.е. утрату живой связи человеческой души с Богом» [13, 221]. Взгляды масонов во многом идеологически соотносились с мировоззрением М.Н. Муравьева [15, 48–60], что, учитывая влияние на него античной традиции, говорит о сложности творческой концепции писателя.

Не менее значимой становится апелляция и к другой мифологической паре, которая реализуется в образах священника и в особенности – его жены. Здесь, в отличие от капитана Неслетова, прослеживается прямая номинация античного архетипа: «Супруга священника, другая Бавкида, устала гостеприимный стол простыми брашнями» [7, 27]. В образах священника и его жены воплощаются герои «Метаморфоз» – Филемон и Бавкида, праведные супруги, которые были вознаграждены богами за добродетельную жизнь.

В дополнение к прямой номинации имени героини в повести прослеживаются и другие элементы мифа. В частности, образы деревьев. Дом персонажа находится неподалеку от приходской церкви, огражденной «старыми дубами, которые далеко кругом себя кидают тень свою» [7, 19]. Сцена гостеприимного угощения, которым радуется героев «другая Бавкида», разворачивается под тенью древнего дуба. Выбор дерева не случаен: именно дуб становится обликом Филемона, которое он принимает в результате посмертных метаморфоз, в то время как его супруга становится липой: «...дуб с липою рядом / Есть на фригийских холмах, обнесенные скромной стеною» [11, 186].

Помимо растительной символики, повторяется мотив пира, значимый не только для мифа о Филемоне и Бавкиде, но и в целом характерный для идиллической традиции. Супруга священника, подобно античному прообразу, выступает в роли хлебосольной хозяйки. М.Н. Муравьев использует образные определения: «гостеприимный стол» и «простые брашна», отсылающие к описанию обеда Юпитера и Меркурия в «Метаморфозах». Богам также были предложены незамысловатые блюда («Ставят плоды, двух разных цветов, непорочной Миневры / Осенью сорванный терн, заготовленный в винном отстое, / Редьку, индивий-салат, молоко, загустевшее в творог, / Яйца, легко на нежарком огне испеченные, ставят. / В утвари глиняной все» [11, 187]). Использование устаревшего слова «брашна» подчеркивает патриархальность стола, что заостряет архетипическое начало повести.

Значимым является и образ самого священника, в котором также реализуются черты Филемона. Характеризуя героя, рассказчик делает акцент на двух составляющих – его возрасте и нравственности: «Подле церкви живет священник, старый и почтения достойный человек» [7, 19]. Упоминание о зрелости персонажа позволяет соотнести его с античным прообразом, не раз упомянутым у Овидия в качестве «старика». Духовность героя выражается как формально – персонаж живет близко к церкви и является

священнослужителем, так и содержательно – в нравственных уроках, которые он преподает прихожанам: «он научил нас находить счастье в добродетели и исполнении должностей наших, а не в удовольствии ежечасных прихотей, которые никогда не кончатся» [7, 19].

Таким образом, в повести сочетается отражение философии идеального пейзажа и одновременный отход от нее, реализуемый в образе кипариса, отсылающего к «Метаморфозам» Овидия. Враждебность природы передается через апелляцию к мифу о превращении, заостряющему мотив скорби. Примиряющим началом становится персонажно-образный уровень, через который вновь реализуется идиллическое начало. Об этом свидетельствует ономастическая традиция: София – богиня премудрости, акцентирующая масонскую составляющую со значимым для нее мифом о золотом веке человечества. Дополняет вырисовывающуюся картину и сцена застолья, устраиваемого священником и его женой. Поэтика пира является неотъемлемым элементом идиллии. В последующей литературной традиции это ярко отразится в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» и в эпизоде сна Обломова одноименного романа И.А. Гончарова.

Подчеркнутая приверженность М.Н. Муравьева к главной теме идиллии – воспеванию природы – читается и в критической статье автора о творчестве Вергилия: «В сие время на 28 году возраста своего написал он свои эклоги, совершеннейшие в своем роде стихотворения и которые кажется бы еще лучше были, когда бы благосклоннейшие обстоятельства оставили всю душу его единственно в недрах природы, а не увлекали ее на позорища рабства, междоусобия и расхищений» [10, т. 3, 147]. Писатель XVIII века подчеркивает благоприятное влияние природы на личность художника и его деятельность. Для мировоззрения М.Н. Муравьева характерна целая философия творчества, неотъемлемым элементом которой выступает нравственная составляющая, продиктованная просветительской деятельностью писателя. В связи с этим природа, по мысли автора «Обитателя предместия» выступает как своеобразный духовный ориентир, направляющий творца, что конституируется в статье «О пастушеском стихотворстве»: «Науки и искусства обязаны происхождением своим успехам общественной жизни, но самых величественных и нежнейших произведений разума первое начало уже можно назначить под тенью дуба, который служил убежищем дикому» [10, т. 3, 157].

Показательно, что относительно творчества Вергилия М.Н. Муравьев выделяет духовное сродство античного автора и его персонажей, называя древнеримского классика пастухом и подчеркивая значимость «чувствительности и нежности его сердца» [10, т. 3, 151]. Это становится еще одной точкой пересечения между творцами.

Таким образом, повесть М.Н. Муравьева «Обитатель предместия» синтезирует традиции сразу нескольких античных авторов. Философия Горацианской умеренности влияет на мировоззрение, опыт Феокрита проявляется в произведениях творца XVIII века на тематическом и стилистическом уровне, с традицией Вергилия его роднит сходство лирических героев и реализация философии *locus amoenus*, творчество же Овидия во многом входит в оппозицию с предыдущими писателями и отражает враждебную природу. Подводя итоги, важно подчеркнуть, что М.Н. Муравьев становится значимой фигурой в ряду писателей, обращавшихся к античной идиллии. Автор продолжает классическую традицию, обогащая ее собственными нововведениями, тем самым внося значимый вклад в культурное наследие, к которому в дальнейшем будут обращаться творцы-последователи. «Какое дарование, изобразившее в себе попеременно Феокрита, Гесиода и Гомера!» [10, т. 3, 156] – эти строки, завершающие критическую статью о Вергилии, как нельзя лучше характеризуют самого М.Н. Муравьева, синтезировавшего античную традицию и новации сентиментализма и повлиявшего на великих русских классиков эпохи золотого века!

1. Античная литература: Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / авт.-сост. А.Ф. Лосев, Г.А. Сонкина, А.А. Тахо-Годи [и др.]; под ред. А.А. Тахо-Годи. 3-е изд., перераб. М., 1980.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Иванюк Б.П. Поэтическая миниатюра: проблема жанровой идентификации // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве: Материалы Восьмых Международных научных чтений. В 2-х частях, Калуга, 28–29 октября 2022 года. Ч. 1. Калуга, 2022. С. 189–198.
4. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1 / [пер. с нем. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского]. М., 2021.
5. Мельник В.И., Мельник Т.В. И.А. Гончаров в контексте европейской литературы. Ульяновск, 1995.
6. Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991.
7. Муравьев М.Н. Обитатель предместья. Русская литература XVIII века. Сентиментализм. М., 2002.
8. Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: в 3 т. Т. 1. СПб., 1819.
9. Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: в 3 т. Т. 2. СПб., 1819.
10. Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: в 3 т. Т. 3. СПб., 1820.
11. Овидий. Метаморфозы / [пер. с лат. С. Шервинского]. СПб., 2024.
12. Ознобишин Д.П. Язык цветов или Сэлам. СПб., 1830.
13. Островских И.Н. Имя как элемент идиллического топоса в сентиментальной прозе М.Н. Муравьева (повесть «Обитатель предместья») // Филология и человек. 2011. № 4. С. 219–225.
14. Паикуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: Учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 2. Елабуга, 2011.
15. Паикуров А.Н., Мясников О.В. М.Н. Муравьев: вопросы поэтики мировоззрения и творчества. Казань, 2003.

1. Antichnaya literatura: Uchebnik dlya studentov ped. in-tov po spets. № 2101 «Rus. yaz. i lit.» / avt.-sost. A.F. Losev, G.A. Sonkina, A.A. Takho-Godi [i dr.]; pod red. A.A. Takho-Godi. 3-e izd., pererab. M., 1980.
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
3. Ivanyuk B.P. Poeticheskaya miniatyura: problema zhanrovoy identifikatsii // Perekrстки vzaimodeystviy: dialog russkoy i zarubezhnoy literatury vo vremeni i prostranstve: Materialy Vos'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy. V 2-kh chastyakh, Kaluga, 28–29 oktyabrya 2022 goda. Ch. 1. Kaluga, 2022. S. 189–198.
4. Kurtsius E.R. Evropeyskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: v 2 t. T. 1 / [per. s nem. D.S. Kolchigina; pod red. F.B. Uspenskogo]. M., 2021.
5. Mel'nik V.I., Mel'nik T.V. I.A. Goncharov v kontekste evropeyskoy literatury. Ul'yanovsk, 1995.
6. Merezhkovskiy D.S. Akropol'. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i. M., 1991.
7. Murav'ev M.N. Obital' predmestiya. Russkaya literatura XVIII veka. Sentimentalizm. M., 2002.
8. Murav'ev M.N. Polnoe sobranie sochineniy Mikhaila Nikiticha Murav'eva: v 3 t. T. 1. SPb., 1819.
9. Murav'ev M.N. Polnoe sobranie sochineniy Mikhaila Nikiticha Murav'eva: v 3 t. T. 2. SPb., 1819.
10. Murav'ev M.N. Polnoe sobranie sochineniy Mikhaila Nikiticha Murav'eva: v 3 t. T. 3. SPb., 1820.
11. Ovidiy. Metamorfozy / [per. s lat. S. Shervinskogo]. SPb., 2024.
12. Oznobishin D.P. Yazyk tsvetov ili Selam. SPb., 1830.
13. Ostrovskikh I.N. Imya kak element idillicheskogo toposa v sentimental'noy proze M.N. Murav'eva (povest' «Obital' predmestiya») // Filologiya i chelovek. 2011. № 4. S. 219–225

14. Pashkurov A.N., Razzhivin A.I. *Istoriya russkoy literatury XVIII veka: Uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy: v 2 ch. Ch. 2. Elabuga, 2011.*
15. Pashkurov A.N., Myasnikov O.V. M.N. Murav'ev: *voprosy poetiki mirovozzreniya i tvorchestva. Kazan', 2003.*

Информация об авторах

Алексей Николаевич Пашкуров,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Казань, Россия).
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания.
Научные интересы: история русской литературы
1700–1830-х годов, жанрово-тематические
модификации отечественной философской
поэзии классического периода.
ORCID ID: 0000-0002-7280-736X
SPIN-код: 8481-9323, AuthorID: 405710
E-mail: anp.72@mail.ru

Полина Олеговна Богинская,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Казань, Россия).
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
Студент бакалавриата.
Научные интересы: отражение культуры
античности в русской литературе XVIII–XIX
веков, диалог отечественной и зарубежной
традиции.
E-mail: polina.boginskaya05@gmail.com

Поступила в редакцию 19.06.2026;
одобрена после рецензирования 17.08.2026;
принята к публикации 17.08.2026;
опубликована 18.09.2026.

Information about the authors

Aleksey N. Pashkurov,
Kazan (Volga Region) State University
(Kazan, Russia).
420008, Russia, Kazan, Kremlyovskaya str., 18.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Professor of the Department of Russian Literature
and Methodology of Literature Teaching.
Research interests: the history of Russian literature
of the 1700–1830-ies, the genre and thematic
modifications of national philosophical poetry
of the classical period.
ORCID ID: 0000-0002-7280-736X
SPIN-код: 8481-9323, AuthorID: 405710
E-mail: anp.72@mail.ru

Polina O. Boginskaya,
Kazan (Volga Region) State University
(Kazan, Russia).
420008, Russia, Kazan, Kremlyovskaya str., 18.
Bachelor's student.
Research interests: the reflection of classical
antiquity in 18th- and 19th-century Russian
literature; the dialogue between domestic
and foreign traditions.
E-mail: polina.boginskaya05@gmail.com

The article was submitted 19.06.2026;
approved after reviewing 17.08.2026;
accepted for publication 17.08.2026;
published 18.09.2026.

Ссылка для цитирования: Пашкуров, А.Н., Богинская П.О. Традиции античной идиллии в повести М.Н. Муравьева «Обитатель предместия» // *Philologos*. 2026. № 3 (70). С. 39–47. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-70-3-39-47.

For citation: Pashkurov, A.N., Boginskaya P.O. Traditions of the ancient idyll in the story "Inhabitant of the Suburb" by M. N. Muravyov // *Philologos*. 2026. No. 3 (70). Pp. 39–47. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-70-3-39-47.

Права: © А.Н. Пашкуров, П.О. Богинская (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).